

В обычное время Чжао Баи ни за что бы не связался с таким трусоватым и косноязычным парнем. Но сейчас выбора не оставалось. Вздохнув, он одарил товарища Ван Эрмао своей самой обезоруживающей ухмылкой — да так удачно, что тот аж замер, не в силах отвести взгляд.

Отыграв утерянные позиции, Чжао Баи мысленно задрал нос до небес. Как ни крути, а лицо у него оставалось породистым, черты — правильными, да и сам он был статен и хорош собой, словно заезжий Аполлон. Настоящая звезда среди унылых казарменных будней!

Вдоволь налюбовавшись собой, Чжао Баи в отличном расположении духа принялся выравнивать углы одеяла. Попутно он вполголоса завязал разговор с соседом:

— Слышь, Ван Эрмао... Эрмао, а почему отец тебя так назвал?

С Эрмао в Четвёртом отделении тоже особо никто не общался. И дело было не в дурной славе, как у Баи, а в банальной застенчивости: парень от природы робел, связать двух слов не мог и никогда не заговаривал первым. Настоящий тихоня, человек-невидимка.

Заметив, что Чжао Баи сам идет на контакт, Эрмао просиял и, глуповато улыбаясь, прошептал в ответ:

— Так батя мой... Он рассказывал, когда старший брат родился, у него на голове волос длинный вылез. Ну его Дамао и прозвали...

— И что, у тебя при рождении целых два волоса было? — подколот его Баи.

— Да нет же, — Эрмао почесал коротко стриженный затылок, всерьез приняв шутку. — Просто батя решил, что Дамао и Эрмао звучит складно. А младшего нашего Саньмао кличут, во как. Хе-хе.

Глядя на эту простодушную улыбку, Чжао Баи вдруг подумал, что парень-то славный. Вся давешняя обида на несправедливость мигом испарилась, а пальцы начали двигаться гораздо шустрее. Так, перешептываясь, он и завел своего первого настоящего армейского приятеля.

— А тебя-то почему Чжао Баи зовут?

— Батина причуда. Баи — это же первое августа, День создания Народно-освободительной армии Китая. Вот он и подгадал.

— Хе-хе, здорово. Зато запомнить легко.

— Ну ты и чудик, чего лыбишься? Мое имя по крайней мере звучит гордо, не то что твое.

— Это точно.

— Дуралей.

— Хе-хе.

— Опять зубы скалишь?

— Да так, ничего.

— Говори давай, а то схлопочешь!

— Просто... ты мне братана старшего напоминаешь.

— Чего-о? Какого еще брата? Я, между прочим, парень классный, тебе до меня как до луны пешком.

— Ага, точняк, несчастный.

— Ах ты ж бестолочь деревенская! Картавишь безбожно. Разве в армии не запретили на местном диалекте разговаривать?

— А ты меня поучишь?

— Ладно, буду тебя просвещать.

— О, ты сам сейчас «меня» по-нашему сказал!

— Тьфу на тебя, заразил своим говором!

Когда всё отделение наконец закончило возиться с одеялами, до утреннего подъема оставалось от силы три часа. Уставшие парни побоялись даже расстлать свои идеальные «кубики тофу» — аккуратно пристроили их в ногах и улеглись на голые матрасы. Накинув прямо на плечи тяжелые шинели, они затихли, боясь лишний раз шевельнуться и сбить драгоценную форму одеял.

Но едва они успели задремать, как над казармой истошно взвыл репродуктор, объявляя подъем. Четвёртое отделение подорвалось как по тревоге. Сонные, шатающиеся от усталости

парни принялись впопыхах натягивать камуфляж, едва разлепляя веки. Грохот тазов, топот десятка ног по полу и суматошные крики ознаменовали начало первого официального дня службы.

Чжао Баи, с трудом соображая спросонья, бежал вслед за увлекшим его Эрмао. Одной рукой он придерживал сползающие брюки, а в другой сжимал расстегнутый ремень. Недосып всегда превращал его в безмозглую амебу — в голове словно роились назойливые мухи, и он не мог сориентироваться даже на ровном месте. Эта особенность сейчас устроила ему знатную проверку на прочность.

— Ремень, ремень застегни! — на бегу крикнул Эрмао. — Баи, у тебя штаны свалятся, живее!

Вид неряшливого бойца сулил нагоняй от командира всему взводу. Но Баи, ведущий отчаянную борьбу с собственным полусонным телом, плевать хотел на уставы и форму одежды. Поняв, что толку не будет, Эрмао решительно прихватил приятеля под мышку левой рукой, а правой перехватил его ремень, пытаясь застегнуть на ходу бляху.

Однако в суматохе пальцы не слушались, ремень выскальзывал, и Эрмао принялся лихорадочно шарить по чужой талии. От этих хаотичных прикосновений Чжао Баи, который до жути боялся щекотки, мгновенно стряхнул остатки сна. Его словно током прошибло.

— Эй, эй! Эрмао, хорош лапать! — завопил Баи, извиваясь. — Не надо туда соваться, мамочка моя... Ай!

Один усердно пытался помочь, распуская руки, а второй отчаянно уворачивался, защищая свое тело. В результате оба потеряли равновесие и с гулким стуком покатались на землю. Приземлились они в весьма примечательной позе, живо напоминающей культовую сцену из «Титаника»: Чжао Баи распластался внизу, а Ван Эрмао навалился на него сзади, грудью прижавшись к спине. Нижний при этом крепко держал верхнего за талию, инстинктивно пытаясь защитить свои хрупкие ребра, а верхний раскинул руки в стороны для баланса, точь-в-точь как Роза на носу корабля.

Бегущие мимо новобранцы невольно притормаживали. Ошарашенные взгляды устремлялись на эту живописную картину. Парни стояли как вкопанные, силясь переварить увиденное: неужели у этой парочки действительно настолько специфические наклонности?

Сослуживцы из Четвёртого отделения только головами покачали.

"Ну надо же! Мы-то думали, с чего бы простому деревенскому парню водиться с этим заносчивым пижоном. А у них, оказывается, любовь! И ведь даже не прячутся, прямо среди бела дня... Ну и срам!"